

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.019

УДК 94(470)»18/19»:332(091)

ББК 63.3(2)53-21

М.К. ЧУРКИН

**РЕСУРСНОЕ ОСВОЕНИЕ СТЕПНОГО КРАЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
В ДИСКУРСЕ ИМПЕРСКИХ ЭКСПЕРТОВ**

M.K. CHURKIN

**RESOURCE DEVELOPMENT OF THE STEPPE
REGION IN THE SECOND HALF
OF THE XIX AND EARLY XX CENTURIES.
IN THE DISCOURSE OF IMPERIAL EXPERTS**

В статье, на материалах сведений, предоставленных имперскими чиновниками разных рангов, публицистов и путешественников в Степной край, маркируемых в качестве «имперских экспертов», раскрываются подходы к осмыслению ресурсного потенциала региона в системе координат аграрной колонизации. В процессе исследования был выявлен социокультурный и идейный контекст конструирования дискурса оценки и реализации ресурсного потенциала степной периферии Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв., в котором отлились ориенталистские и европоцентристские представления отечественной переселенческой интеллигенции, а также обозначены программные направления ресурсного освоения Степного края. Установлено, что центральным сюжетом дискурса являлась тема экономической и культурной конкуренции кочевых (кочевых) и земледельческих способов производства как типов хозяйственно-культурной деятельности, а проекты ресурсного освоения региона и практические мероприятия власти представляли собой эссенцию мнений и точек зрения имперских экспертов.

In the article, on the materials of information provided by imperial officials of different ranks, publicists and travelers to the Steppe region, labeled as «imperial experts», the approaches to understanding the resource potential of the region in the system of coordinates of agrarian colonization are revealed. In the course of the research the socio-cultural and ideological context of constructing the discourse of assessing and realizing the resource potential of the steppe periphery of the Russian Empire in the second half of the twentieth — early twentieth centuries was revealed, in which the Orientalist and Eurocentric ideas of the domestic resettlement intelligentsia were cast, and the program directions of resource development of the Steppe region were outlined. It is established that the central subject of the discourse was the theme of economic and cultural competition between nomadic (nomadic) and agricultural modes of production as types of economic and cultural activity, and the projects of resource development of the region and practical activities of the authorities represented the essence of opinions and points of view of imperial experts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Степной край, имперские эксперты, ресурсное освоение, кочевое хозяйство, земледельческое хозяйство, переселенческое движение, дискурс

KEY WORDS: Steppe region, imperial experts, resource development, nomadic economy, agricultural economy, resettlement movement, discourse

ВВЕДЕНИЕ. Историк культуры А.М. Эткинд, в своих рассуждениях о феномене внутренней колонизации (самоколонизации) России, опираясь на концепцию «зоологической экономики» А.П. Шапова, подчёркивал, что ресурсная ориентация Московского централизованного государства и Российской империи на пушной промысел в экологическом смысле означала

обезлесение, в результате чего движущей силой колонизации постепенно становился плуг и зерновое производство [23, с. 97–98].

Российская империя, реализуя во второй половине XIX — начале XX вв. колонизационную программу, в которой ресурсная задача землеобеспечения крестьян являлась неотъемлемой коннотацией имперского проекта освоения «собственного востока» [19], неизбежно сталкивалась на восточных окраинах с ситуацией культурных различий, проявлявшихся в разных сферах, в том числе и в организации хозяйственно-экономической деятельности инородческого сегмента населения периферийных регионов. Преобразование социальной среды традиционными для империи инструментами доминирования и принуждения, предполагало и пластичность имперских учреждений в конструировании политики населения и отраслевом регулировании экономики, что наиболее предметное выражение находило в дискурсе и административных решениях в сферах кочевого скотоводческого хозяйства коренных народов и земледельческой деятельности российских переселенцев, позиционируемых властью в качестве главного субъекта колонизации Степного края с 1870-х гг.

В отечественной и зарубежной историографии российской колонизации степных областей Зауралья, сюжеты ресурсного освоения пространств Степного края в пореформенный период рассматривались исследователями в контексте широкого спектра проблем государственной инкорпорации региона: организации административного управления, водворения и обустройства крестьян-переселенцев, выстраивания поземельной коммуникации русского и инородческого населения, хозяйственно-экономических стереотипов и производственных практик кочевых и оседлых сообществ [16]; [17]; [18]; [7]; [9].

На рубеже XX–XXI вв. разрабатываемая нами тема начинает осваиваться с опорой на исследовательские подходы и практики «новой истории империи». По утверждению А.В. Ремнёва, которое может быть применимо и к Степному краю «расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи — это еще и сложный процесс превращения Сибири в Россию...» [14, с. 102]. Для историков становилось очевидным, что исследовательская рефлексия аграрной колонизации восточных окраин малопродуктивна без обращения к дискурсам акторов колонизационного процесса, в которых отчётливо фиксировались представления власти и общества о причинах, ходе и результатах колониальных акций, ресурсном потенциале осваиваемых территорий, имперских проектах политики населения и практиках культурной интеграции иноэтничных и иноконфессиональных сообществ в российский социум [13; 15; 21; 22].

В этой связи, **ЦЕЛЬ** статьи предполагает выявление содержания дискурса ресурсного освоения Степного края в представлениях имперских экспертов второй половины XIX — начале XX вв. Обращение к дискурсу ресурсного освоения Степного края во второй половине XIX — начале XX вв., конструируемому в текстах имперских экспертов — чиновников, общественных деятелей, национальных лидеров степной аристократии, писателей, публицистов, вовлечённых в обсуждение проблем землепользования кочевого и оседлого населения региона, видится актуальным, поскольку дискурсивные практики не только отражали представления заинтересованных лиц о потенциальных возможностях эксплуатации природных ресурсов колонизируемых земель, но и выполняли важную рецептурную функцию, оказавшую влияние на выбор имперской властью общей стратегии и ситуативных моделей организации хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов и крестьян-земледельцев.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В качестве источников, привлечённых к решению поставленных в статье задач, выступили разножанровые тексты имперских экспертов: отчёты высшей губернской администрации Степного края, травелог и записки о поездках по местам водворения аграрных мигрантов чиновников переселенческого ведомства, публикации общественных деятелей в специализированной периодической печати. Привлечение данных материалов, рассматриваемых в смешанной «оптике» делопроизводство

/ личный текст, открыло перспективы раскрытия не только информационно-событийной рецепции авторами обстоятельств и факторов ресурсного освоения Степного края, но и сложной и многоцветной системы представлений индивидуумов и сообществ об эффективности того или иного варианта организации хозяйственно-экономической деятельности субъектов колонизации и исторической и интеллектуальной контекстуальности этих представлений.

Используемый автором метод дискурс-анализа, в основании которого лежит социально-конструктивистское понимание структурирования языка в соответствии с паттернами, обуславливающими высказывания людей по различным поводам и в различных сферах жизни, позволил раскрыть логику принимаемых имперской властью решений в сфере ресурсной эксплуатации колонизируемых пространств Степного края. В процессе дискурс-анализа текстов имперских экспертов принималось во внимание, что проекты ресурсного освоения региона, предполагавшие разные модели культурно-хозяйственной интеграции и седентаризации кочевников-скотоводов, а также эскалации земледельческого производства, имели культурно-исторически обусловленную специфику. Ориенталистские и европоцентристские воззрения дискурсантов являлись формой социального поведения, непосредственно задействованной в формировании социального мира, что предопределило как общность, так и нюансированность представлений субъектов дискурса о вариантах эксплуатации земель как основного ресурса внутренней колонизации окраин империи [8] [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Перемещение акцентов колонизационных усилий России в направлении степной азиатской периферии в 1870-х-1890-х гг., эскалация переселений и возникновение очагов русской оседлости в Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края способствовало возобновлению дискурса экономического потенциала природных ресурсов территорий, характерного для раннего пореформенного периода освоения пространств Западной Сибири. Дополнительной дискурсивной коннотацией стал сюжет о функции оседлого / кочевого образа жизни как формата эксплуатации региональных ресурсов. Акторами дискурса выступили представители российской бюрократии разного уровня, деятели научных, просветительских, общественных организаций, репрезентирующие широкий спектр взглядов и позиций на колонизационный процесс, его реальные возможности и перспективы.

В процессе формирования дискурсивного поля имперские эксперты демонстрировали коммуникативное согласие, признавая, что в территориальных границах Степного края коренное население многочисленно и в выборе сценариев ресурсного освоения региона данное обстоятельство невозможно игнорировать. Вместе с тем, сиюминутные задачи переселенческого дела, вкупе с политическими амбициями империи порождали ситуацию острой полемики по вопросу эксплуатации основного ресурса региона — земли, как места приложения хозяйственных усилий оседлого и кочевого населения. В системе координат дискурса обозначилось несколько программных направлений ресурсного освоения Степного края:

В рамках радикального направления утверждалось, что в регионе существует фонд свободных земель, излишний для ведения кочевого земледелия, который должен быть передан для нарезки переселенческих участков, включая земли на которых велось малоэффективное земледелие инородцев (М. Таубе, Г. Колпаковский, Е.О. Шмит и др.) [4]; [5]. Предположение о наличии излишков земель потенциально пригодных для вовлечения в аграрное производство мигрантов из Европейской России было артикулировано генерал-губернатором Степного края М. Таубе при вступлении в должность в 1890 г. со ссылкой на результаты ревизии, подтвердившей первоначально возможность расселения в границах региона 8 000 крестьян с последующим приселением к ним ещё 400 000 душ сельских обывателей [20, с. 41] Позиция сторонников означенного направления была подготовлена логикой ориентализма, осваиваемой в европейской научной мысли и российском востоковедении в первой половине XIX в. В продолжении XVIII-XIX вв. в российской прессе и публицистике конструировалось понимание отдалённых центрально-азиатских областей как потенциально органичной части империи, которая должна

быть встроена в Россию путём последовательных властных мероприятий: военного присутствия, организации пашни, градостроительства, унифицированного с российским административного управления, патерналистских действий в отношении коренного населения. Трансляторами ориенталистского подхода к степной периферии выступали не только национал-консервативные периодические издания, но и учёные-востоковеды (В.В. Розен, В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург) (1880-е — 1917 гг.), подготовившие теоретическую почву для продвижения русской оседлости в отдалённые восточные местности [19, с. 125]. Распространение эволюционистских (Э. Тайлор, Дж. Фрезер) и особенно диффузионистских (Э. Дюркгейм, Ф. Ратцель) идей, постулирующих возможность культуртрегерства в отношении так называемых «диких» народов с целью преодоления ими зависимости от природного влияния, формировали условия для практических действий, направленных на перевод коренных народов от кочевого к оседлому образу жизни, что легитимировало право «человека власти и культуры» на разумное насилие и оправдывало мероприятия по передаче земельного фонда номадов в пользование землепашцев, прибывавших из европейской части России.

Противники тотального изъятия земель коренного населения полагали, что расчёты излишков инородческих «владений» произведены с ошибками и передача земель в пользу переселенцев исключит из производства большое число лиц, адаптированных к сложным природно-климатическим условиям Степного края, который мало приспособлен для организации пашенного земледелия (Г. Успенский, Г. Валиханов, А. Букейханов и др.). Доводы административного порядка столкнулись с категорическим несогласием лидеров казахской интеллигенции, предоставивших объективную статистику и контраргументы относительно возможности и продуктивности массовых переселений в регион традиционного кочевого хозяйства. Суть таковых заключалась в следующем:

Во-первых, поселения, которые отводились для наделения землёй переселенцев, находились в отдалённых районах Акмолинской области, в глухих бездорожных местностях, слабо затронутых административным наблюдением, что само по себе являлось «благоприятным» фоном для эскалации конфликтов межэтнического характера.

Во-вторых, лишение казахов-скотоводов пастбищных угодий неизбежно вызовет у них потребность откочевки в Туркестанский край и Оренбургскую область, что будет сопряжено с огромными трудностями в связи с перемещением в новые районы и финансовыми потерями.

В-третьих, важным доводом, являлось напоминание сторонникам переселений о безотказной и безнедоимочной кибиточной подати, которую автохтоны вносили в казну на содержание волостных администраций и поддержание торгово-экономических связей Российской империи с государствами центрально-азиатского региона.

В-четвёртых, уход кочевников со своих угодий приведёт к рекогносцировке степных территорий и снизит их доходность, в то время как русские переселенцы не смогут ограничиться в условиях Степного края только лишь земледельческими занятиями и будут вынуждены обращаться к скотоводческим промыслам, что потребует от них кардинального изменения своего культурно-хозяйственного типа.

Г. Валиханов, неоднократно заявляя об основной цели аграрных переселений как перспективном слиянии русского и инородческого элементов [12, с. 9], предупреждал и об алармических обстоятельствах на пути этого прогрессивного процесса: «...если существующий порядок отобрания и захвата лучших земель у киргиз будет продолжаться и далее, то кочевники вынуждены будут оставить степные области и край лишится единственных полезных для промышленности работников, умеющих искусным ведением скотоводства извлекать значительную пользу для бесплодных степных пространств» [11, с. 4].

О несостоятельности представлений высшего имперского чиновничества об излишках колонизационного фонда в Степном крае для создания русских переселенческих посёлков и распространения пашенного земледелия говорил и известный казахский исследователь и политический деятель А. Букейханов. Ссылаясь на результаты экспедиции Ф. Щербины,

в ходе которой были подробно изучены почвенно-климатические особенности региона, он акцентировал внимание на оазисном характере пригодных для земледелия участков и медленном восстановлении почв, включённых в земледельческий оборот [2, с. 31]. По мнению исследователя, иллюзии относительно продуктивности пашенного хозяйства в Степном крае, начали формироваться ещё до начала массовых миграций, когда «европейские путешественники XVIII–XIX вв., перемещаясь по степным территориям весной и в начале лета, фиксировали природу степей в момент цветения, на основании чего делали вывод о том, что этим землям не хватает «оплодотворяющего труда земледельца, чтобы здесь зацвела европейская культура» (1, с. 37). Однако на практике, весеннее бурное пробуждение природы имело обыкновение сменяться жарой и суховеями: «земля делается горячей, растение терпеть не может, степь выгорает» (1, с. 38). По свидетельству А.Н. Букейханова, переселенцы неоднократно испытывали на себе «всю капризную изменчивость Киргизской степи..., когда пахать можно, только земля (сухая галька) родить не будет...» (1, с. 38).

Сторонники умеренного варианта допускали право изъятия земель номадов за вознаграждение и полагали, что переход инородцев от кочевого скотоводства к оседлому земледелию — явление прогрессивное, но может быть достигнуто лишь экономическими и культуртрегерскими усилиями (Т.И. Тихонов, Г.К. Гинс и др.). Чиновник Переселенческого управления Г.К. Гинс, в своих рассуждениях по поводу организации киргизского земледельческого хозяйства, констатировал его примитивный характер, но при этом подчёркивал, что изъятие и передача земельного фонда в пользу крестьян-переселенцев должно сопровождаться «благожелательным и разумным вознаграждением смещённых» [6, с. 290]. Однако, этот вариант обнаружил массу негативных последствий. Практики вознаграждения номадов за передачу земель переселенцам являлись незаконными, поскольку владельцем земли на окраинах империи де-юре выступало государство. Кроме того, с ростом переселенческого движения, возможности денежной компенсации сокращались и вытеснялись практиками простого изъятия земель у коренных обитателей.

ВЫВОДЫ. Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв. дискурс ресурсного освоения восточных окраин империи конструировался вокруг проблемы функционирования оседло-земледельческого и кочевого-скотоводческого типов хозяйств. В условиях роста переселенческого движения и смещения миграционных акцентов в направлении Степного края, имперской властью и её представителями проектируется и внедряется модель тотального изъятия гипотетических излишков земельных угодий автохтонов, пришедшая на смену финансово-договорным практикам поземельных отношений. Важной составляющей дискурса становится вовлечённость в него казахской национальной интеллигенции. Жесткие и скоропалительные меры имперских властей, направленные на поддержку аграрных переселений, в значительной мере способствовали актуализации национальной идентичности степных лидеров, а также их последующей политизации. На страницах периодических изданий, всё чаще стали приводиться разумные доводы в поддержку традиционного типа хозяйственной деятельности, основанные не на эмоциях и национальном чувстве, но на выверенной статистике и надёжной доказательной базе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букейханов А.Н. Русские поселения в глубине Степного края // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 29–45.
2. Букейханов А.Н. Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года. Омск, 1902. 40 с.
3. Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 71–76.
4. Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1912. 22 с.

5. Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора за 1883 год. Омск, 1884. 76 с.
6. Гинс Г. В киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. 1910. № 13. С. 285–332.
7. Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII — начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества: мат-лы международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. С. 105–108.
8. Йоргенсен М, Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
9. Кузнецов Д.В. Работа администрации по заготовке колонизационного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX — начале XX века // Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 23–31.
10. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.
11. Письмо Султан-Газы Валиханова // Новое время. 1890. № 5305. С. 4–6.
12. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. 42 с.
13. Рахимбекова А.К. Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Чуркин, Т. А. Сабурова, И. И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С. 132–149.
14. Ремнев А.В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — начало XX вв.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С. 100–105.
15. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
16. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
17. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начале XX века (1867–1904 гг.). Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 411 с.
18. Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (конец XIX — начало XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евразийский форум: тезисы докладов и сообщений. Астана; Омск; Томск, 2003. С. 98–99.
19. Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
20. Успенский Г.И. Кочевники и русские переселенцы // Русская мысль. 1891. Кн. III. С. 41–47.
21. Чуркин М.К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». 2019. Т. 27. С. 27–36.
22. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX — начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 261 с.
23. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

REFERENCES

1. Bukejhanov A.N. *Russkie poseleniya v glubine Stepnogo kraya* [Russian settlements in the depths of the Steppe region] // *Sibirskie voprosy*. 1908. № 33–34. S.29–45. (In Russian).
2. Bukejhanov A.N. *Svedeniya o kirgizskom hozyajstve Stepnogo kraya k 15 yanvarya 1902 goda* [Information about the Kyrgyz economy of the Steppe region by January 15, 1902]. Omsk, 1902. 27 s. (In Russian).
3. Valihanov Ch.Ch. *O musul'manstve v stepi* [About Islam in the steppe] // *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii, 1984. Part. 4. S. 71–76 (In Russian).

4. *Vsepoddannejšij otchet stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoyanii i nu-zhdax Stepnogo kraja* [Report of the Governor-General of the Steppe, General of Cavalry Shmita on the state and needs of the Steppe region]. Omsk, 1912. 22 s. (In Russian).
5. *Vsepoddannejšij otchet stepnogo general-gubernatora za 1883 god.* [Report of the Steppe Governor General for 1883] Omsk, 1884. 76 s. (In Russian).
6. Gins G. *V kirgizskix aulax (očerki iz poezdki po Semirech'yu)* [In Kirghiz auls (sketches from a trip through Semirechye)] // *Istoricheskij vestnik*. 1910. No. 13. S.285–332. (In Russian).
7. Dameshek L.M. «*Sibirskie inorodcy*» v *imperskoj strategii vlasti XVIII — nachala XX vv.* ["Siberian foreigners" in the imperial strategy of power of the XVIII — early XX centuries] // *Sibir' na e'tape stanovleniya industrial'nogo obshhestva: mat-ly mezhdunarodnoj nauch. konferencii k 75-letiyu L.M. Goryushkina*. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2002. S.105–108. (In Russian).
8. Jorgensen M, Fillips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. M.: Gumanitarnyj centr, 2008. 352 s. (In Russian).
9. Kuznecov D.V. *Rabota administracii po zagotovke kolonizacionnogo fonda v Srednem Priirty'she v konce XIX — nachale XX veka* [Work of the administration on the preparation of the colonization fund in the Middle Priirtyshye in the late XIX — early XX century] // *Istoricheskij Istoricheskij ezhegodnik*. Omsk, 1999. S. 23–31. (In Russian).
10. Min'yar-Beloručeva A.P. *Tipologiya istoricheskogo diskursa* [Typology of historical discourse] // *Yazyk i tekst*. 2015. Part 2. No 2. S. 8–16. (In Russian).
11. *Pis'mo Sultan-Gazy Valixanova* [Letter of Sultan-Gazy Valikhanov] // *Novoe vremya*. 1890. No. 5305. S.4–6. (In Russian).
12. *Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnya 26 oktyabrya 1581 goda* [Celebration in St. Petersburg and Moscow of the day of October 26, 1581.] SPb.: Tip. F. Eleonskogo, 1882. 42 s. (In Russian).
13. Raximbekova A.K. *Metodologicheskie podxody postmodernizma v issledovanii vzaimootnoshenij kazaxov-kochevnikov i krest'yan-pereselencev v povsednevnoj zhizni vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* [Methodological approaches of postmodernism in the study of the relationship between Kazakh nomads and peasant settlers in everyday life in the second half of the XIX — early XX centuries] // *Voprosy istorii Sibiri: sb. nauch. st. / otv. red. M. K. Churkin, T. A. Saburova, I. I. Krott*. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2015. Vy'p. 12. S. 132–149. (In Russian).
14. Remnev A.V. *Eshhe raz o meste Sibiri v sostave Rossijskoj imperii* [Once again about the place of Siberia in the Russian Empire] // *Sibir' na e'tape stanovleniya industrial'nogo obshhestva v Rossii (XIX — nachalo XX vv.)*: sb. nauch. st. Novosibirsk, 2002. S. 100–105. (In Russian).
15. Remnev A.V., Suvorova N.G. *Kolonizaciya Aziatskoj Rossii: imperskie i nacional'ny'e scenarii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: imperial and national scenarios of the second half of XIX — beginning of XX century]. Omsk: Izdatel'skij dom «Nauka», 2013. 248 s. (In Russian).
16. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reform* [Resettlement and land management in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1962. 588 s. (In Russian).
17. Sulejmenov B.S. *Agrarnyj vopros v Kazahstane poslednej treti XIX — nachale XX veka (1867–1904 gg.)* [The agrarian issue in Kazakhstan in the last third of the 19th — early 20th centuries (1867–1904)] Alma-Ata: AN KazSSR, 1963. 411 s. (In Russian).
18. Tolochko A.P. *Rol Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshhestva v issledovanii Stepnogo kraja (konec XIX — nachalo XX vv.)* [Role of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society in the study of the Steppe region (late XIX — early XX centuries)] // *Stepnoj kraj Evrazii: istoriko-kul'turnye vzaimodejstviya i sovremennost': mezhdunar. Evrazijskij forum: tezis' dokladov i soobshhenij*. Astana; Omsk; Tomsk, 2003. S. 98–99. (In Russian).
19. Tol'c V. «*Sobstvennyj vostok Rossii*»: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period* ["Russia's Own East": Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period.]. M., 2013. 336 s. (In Russian).

20. Uspenskij G.I. *Kochevniki i russkie pereselency* [Nomads and russian settlers] // *Russkaya mysl'*. 1891. Kn. III. S.41-47 (In Russian).
21. Churkin M.K. *Korennoe naselenie Sibiri i Stepnogo kraja kak «subalterny`» imperii v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroj poloviny` XIX — nachala XX vv.* [Indigenous population of Siberia and the Steppe region as “subalterns” of the empire in the socio-political discourse of the second half of the XIX — early XX centuries] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya»*. 2019. Part.27. S.27-36. (In Russian).
22. Churkin M.K., Tokmurzaev B.S. *Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraja: obshchestvenno-politicheskij diskurs i imperskie praktiki vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv* [Agrarian colonization of the Steppe region: socio-political discourse and imperial practices in the second half of the 19th — early 20th centuries.] Omsk: Izd-vo OmGPU, 2019. 261 s. (In Russian).
23. E`tkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opy`t Rossii* [Inner colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 448 s. (In Russian).